

Николай Филиппович Кравченко

краткая биография

Был призван на фронт в 1941 году, а вернулся домой после демобилизации лишь в 1946-ом. Боевой путь нашего земляка прошел через Ленинград, по знаменитой Дороге жизни на Ладожском озере, по Огненной дуге на Курско-Орловском направлении, через Украину и Польшу, и завершился победным маршем в поверженной Германии. Николай Филиппович был фронтовым шофером, и после войны он многие годы трудился в «Сельхозтехнике», леспромхозе, водил грузовики. У ветерана много боевых и трудовых наград, но самое его большое богатство в жизни - это трое сыновей, четыре внука и правнуки.

ДОРОГА ЖИЗНИ

Николай Филиппович Кравченко. Я знал его еще до войны. Это был парень на загляденье: крепкий, чернобровый, со смолистой вьющейся шевелюрой. А смородиновые глаза его так и лучились радостью жизни. Да и как было не радоваться - все шло как надо, шоферская профессия пришлась по душе, работа ладилась, пировские девчонки не обходили стороной.

Но грянула война, и все пошло кувырком. В сентябре 41-го на своей полуторке Николай катил уже по дороге на Красноярск. По обочинам плыли, разукрашенные осенью березняки и осинники - краса сибирская, до слез родная и близкая. Когда придется теперь свидеться с ней?

В октябре Николай уже был под Ленинградом, в качестве военного шофера 799-го автобатальона. Вот здесь и пришлось хлебнуть ему военного лиха. Вокруг Ленинграда уже сомкнулось вражье кольцо. Гитлеровцы радовались - вот-вот город падет к их ногам. Не вышло! Ни тогда, ни позже.

900 дней бесновались фашисты возле стен великого города, но взять его так и не смогли. Выдержали воины, защищавшие город, выдержали ленинградцы, отдавшие на алтарь Победы сотни тысяч жизней своих. В числе тех воинов-защитников был и пировчанин Николай Кравченко.

На первых порах возил боеприпасы на передовую, а обратно раненых, и все это под обстрелом и бомбежками. Но самые большие испытания оказались впереди.

Вряд ли кому в стране нашей неведома легендарная Дорога жизни. Блокада начисто истощила запасы продовольствия в городе. Все меньше и меньше стали получать ленинградцы хлеба. Голод распростер

костлявую руку над великим городом. Город нуждался в помощи.

И вся надежда - на Ладожское озеро: замерзнет - и появится выход. И вот настал день, когда лед сковал Ладогу. Был он еще тонок и прозрачен, но ждать больше нельзя - умирают люди.

- Первые рейсы, - вспоминает Н.Ф. Кравченко, - мы делали с недогруженными

машинами. Брали не больше 400 - 500 килограммов. Дистанцию между машинами держали в 50 метров. Ведешь машину медленно, плавно, без рывков, и все равно чувствуешь, как ледовая дорога оседает, потрескивает. А озеро-то глубокое, нырнешь - и поминай как звали. Едешь и видишь: впереди идет машина и вдруг... Уже нет ее, ушла под лед. Иной шофер успеет выскочить из кабины - дверцы у машин снимали, а другой замешкается чуть- чуть, и все... Можете себе представить, как приходилось нашему брату.

Потом стали прицеплять к машинам санки, которые также загружали продуктами. Это помогало - тяжесть на льду распределялась равномернее. По всей ледовой трассе расставили палатки, в которых дежурили спасатели. Попал шофер в беду - стараются выволить его из холодной купели. Иногда это удавалось, а иногда и нет. Мне и самому пришлось изрядно искупаться. Простыл, все тело покрылось фурункулами.

Глаза Николая Филипповича увлажнились. Такое вспоминать горько. А каково же было там, если

учесть
бесперывные
бомбежки,
артобстрелы.

- И удивительно, -
продолжает он, -
никто не хныкал.
Каждый стремился
побольше сделать
рейсов.

Из машин не
выходили сутками,
отсыпались только
под погрузкой. Но
что это за сон -
считанные минуты.
Да и как иначе:
спасать людей
надо.

Хлебная норма в городе продолжала таять и дошла до 125 граммов. На горожан было страшно смотреть - кожа да кости. От боли сжималось сердце, глаза застилала слезы. Невыносимо тяжело было смотреть на голодных, умирающих детей. И всякий раз, когда у тебя в кармане оказывался хотя бы один сухарик, отдавали его ребятишкам. Мы и сами-то отощали, до войны я весил килограммов 80, а теперь и полсотни не набралось бы. Бывало, заглохнет машина, крутнешь рукояткой раз-другой - в глазах темно, нет сил.

Когда лед на озере окреп, машины стали грузить под самую завязку, в обратные рейсы возили горожан. Дорога жизни много значила, но полностью проблемы и она не решила. Вот почему и эвакуировали ленинградцев, в первую очередь, детей, женщин, стариков.

Я вижу, как трудно Николаю Филипповичу вести рассказ, заново все переживать.

- В жизни у меня, да и у моих товарищей, - говорит он, - не было большей радости, чем когда прорвали блокаду, вызволили из великой беды славных ленинградцев. Преклоняюсь перед их великим мужеством и героизмом. Ведь это подумать только: голодали, умирали, а город защищали. На такое способны только наши люди...

А. Корнев, «Заря», 1985 год

На фото: Н.Ф.Кравченко в 2009, ему тогда исполнился 91 год;
фронтовые снимки 1945 года, г. Берлин.